

prose_classic

Антон
Павлович
Чехов

Двадцать девятое июня
1882
ru
ru

FictionBook Editor Release 2.6
05 January 2011
5BAF9640-5CFF-4367-B3EA-6D4936B9C59D
1.1

Антон Павлович Чехов

Двадцать девятое июня

(Рассказ охотника, никогда в цель не попадающего)

Было четыре часа утра...

Степь обливалась золотом первых солнечных лучей и, покрытая росой, сверкала, точно усыпанная бриллиантовой пылью. Туман прогнало утренним ветром, и он остановился за рекой свинцовой стеной. Ржаные колосья, головки репейника и шиповника стояли тихо, смиренно, только изредка покланиваясь друг другу и пошептывая. Над травой и над нашими головами, плавно помахивая крыльями, носились коршуны, кобчики и совы. Они охотились...

Аким Петрович Отлетаев, мировой судья, земский врач, я, зять Отлетаева Предположенский и волостной старшина Козоедов ехали все шестеро на отлетаевской коляске-розвальне на охоту. За коляской, вывалив языки, бежали четыре пса. Я и земский врач народ худенький, остальные же толсты, как стоведерные бочки, а потому, несмотря на то, что дедовская коляска была и широка и глубока, нам было до чёртиков тесно. Я то и дело толкал локтем и ружейным прикладом в живот Козоедова. Все мы толкались, пыхтели, морщились, всей душой ненавидели друг друга и с нетерпением ждали того времени, когда нам можно будет вылезть из коляски. Ехали мы подальше в степь пострелять куропаток, стрепетов, перепелов, болотной дичи и, если фортуна оглянется на нас, дрохв. Предводительствовал нами хозяин коляски и коней Отлетаев, по милости которого мы и ехали на охоту. Тела наши были сдавлены, но зато души были преисполнены радостями самого высшего качества!

Кто никогда не ездил и не шлялся на охоту, тому не понять этих радостей. Мы держали наши ружья и глядели на них так любовно, как маменьки глядят на своих сыночков, подающих большие надежды.

— А каков наш будет маршрут? — спросил я, когда мы отъехали от Отлетаевки верст на десять.
— Сейчас едем на Еланчик, — отвечал Отлетаев, — бекасов стрелять... Отсюда это верст восемь будет. Там же и перепелов на просе постреляем... Пострелявши перепелов, ночевать станем, а уж завтра чуть свет у нас самая-то настоящая стрельба начнется...
— А что, господа, как думаете, — спросил я, показывая пальцем на коршуна, который купался далеко в небесной синеве, — можно ли попасть отсюда? Попадете?
— Не попадешь! — сказал Отлетаев. — Далек очень! Впрочем, из моего ружья попадешь...
— И из вашего ружья не попадешь, — заметил Предположенский.
— Попадешь. Дробью не попадешь, не достанет, а пулей наверно...
— И пулей не попадешь.
— Уж это позвольте мне знать, попаду я или не попаду! Вы ружья моего не знаете, а я знаю... Вы отродясь не видали хороших ружей, а потому это вам и кажется таким странным... Я и дальше попадал...
Предположенский откинул назад голову и засмеялся...
— Чего же смеешься? — продолжал Отлетаев. — Не веришь, небось?
— Разумеется, не верю.
— Гм... Ружья моего, значит, не знаешь... Ружье замечательное! Недаром шестьсот целковых стоит...
— Сколь...ко?? — спросил Предположенский и вытянул шею... — Сколько? Повторите, папаша!
— Шестьсот рублей... Чего же ты смеешься? Ты погляди на ружье, да потом и скаль зубы!
— Я вижу... Чьей фабрики?
— Марсельское... Фабрики Лепелье...
— Лепелье? Не слыхал что-то такой фабрики... Ружье, как ружье... Рублей сто стоит... Не люблю, тесть, когда вы врете! Зачем врать? Я не понимаю, зачем врать?
— Ружье хорошее, — заметил мировой, — но шестисот не стоит. Вы переплатили, Аким Петрович!
— Он вовсе не переплачивал! — горячился Предположенский, — он врет! Врет, как школяр! Отлетаев завертелся и покраснел.
— Не таковский, чтоб врать, — сказал он. — Так-то-с! Ты вот... ты вот так врешь! Ну да! Ты вот так и норовишь уколоть! С тобой ездить не следует. Я не знаю, зачем я с тобой поехал!..
— И не ездил бы... Зачем врать, не понимаю! Врет, как свинья!
— Сам свинья! Свинья и дурак вместе с тем...
Мы начали усовещивать Предположенского.
— Пусть он не врет! — оправдывался непокорный зять. — Моя душа возмущается, ежели кто врет... И свиньей пусть не бранится. Сам он свинья, вот что! А если ему неприятно, что я еду, так... шут с ним! Я могу и не ехать!
— Ну, полноте! Аким Петрович и не думал вас оскорблять! Стоит ли поднимать бурю из-за пустяков?
Предположенский надулся, как обьевишийся индюк, и умолк.
— Нельзя-с! — обратился, немного погодя, к Предположенскому Козоедов. — Нельзя-с! Он вам теперь, можно сказать, заместо родителей, тесть он вам, а вы грубости наносите... А грешно!
Зять взглянул презрительно на старшину и сардонически усмехнулся...
— Тебя спрашивают нешто? — спросил он. — Спрашивают? Молчи, коли... Сиди, ежели сидишь!.. Заместо родителей... Говорить еще не умеешь, а тоже лезешь... Гм... Суконное ры... Мужлан!
— Вот видите-с, какие вы! Не любите, коли люди покойно сидят. Я хотя и из простого звания произошел, хотя, могу сказать, и никакого образования не проходил, но могу сказать, что имею в груди, и в сердце, и в душе всякие чувства, а вы вот так нет, хоть вы и науки проходили по всем степеням... Так-то-с!
— Перестаньте, господа! — вмешался я. — Полно вам друг другу мораль читать! Давайте молчать...
Отлетаев с сопеньем вытащил из бокового кармана объемистый, сильно потертый портсигар и запустил в него свои толстые пальцы. Доктор и мировой протянули руки к его портсигару.

— Нет-с, извините-с! — сказал внушительно Отлетаев. — Дружба дружбой, а табачок врозь. Мне самому не хватит... Дорога велика, а у меня папирос-то с собой только четыре десятка... Доктор и мировой сильно сконфузились и, чтобы скрыть подалеже от света белого свой конфуз, засвистали из «Мадам Анго».

Отлетаев был глуп, как сорок тысяч братьев, и невежа страшная...

Мы его терпеть не могли. Сконфуженный доктор закурил собственную папироску и начал рассказывать анекдоты. Рассказал он их штук двадцать; из них только один не был сальным, остальные же так и таяли в наших ушах.

— А вы, батенька, мастер! — похвалил я доктора. — Не знал я, что вы такой юморист!

— Да-с... Кое-что знаем, — сказал доктор. — Ежели б я захотел в журналах сотрудничать, то миллионы бы имел. Больше вашего зарабатывал бы.

— Не сомневаюсь... Чего же не сотрудничаете?

— Не хочу!

— Почему же?

— Не хочу, вот и всё! Совесть есть! Нешто человек с совестью может в ваших журналах писать? Никогда! Я даже не читаю никогда газет! Считаю болванами тех, кто выписывает их, тратит деньги...

— А я наоборот, — заметил мировой, — считаю тех болванами, кто не тратит деньги на газеты...

— Доктор не в духе сегодня, — сказал я. — Не будем его трогать...

— Кто вам сказал, что я не в духе? Я в духе... Вы потому так заступаетесь за газеты, что в них пишете, а по-моему, они... тьфу! Яйца выеденного не стоят. Врут, врут и врут. Первые вруны и сплетники! Газетчики — те же адвокаты... Врут и не имеют совести!

— Я был адвокатом, — сказал мировой, — а совесть имел.

Предположенский и Козоедов переглянулись и ехидно улыбнулись.

— Я не про вас говорю... Я вообще... Вообще все мошенники... И газетчики, и адвокаты, и все...

Я, вместо того чтобы молчать, продолжал заступаться за газетчиков. Мировой продолжал заступаться за адвокатов... В коляске поднялся спор.

— А медицина-то ваша? — ухватился я. — Медицина? Что она стоит? Небось не врете? Только денежки берете! Что такое доктор? Доктор есть предисловие гробокопателя... вот что-с!

Впрочем, я не знаю, для чего я с вами спорю? Разве у вас есть логика? Вы кончили университет, но рассуждаете, как банщик...

— Говорите хладнокровно! Можно, полагаю, и без оскорблений!

— Газетчиков и адвокатов ругаем, — забасил Предположенский, — а самой настоящей-то врал и не видим... Потолкните-ка с тестюшкой, он любого адвоката по брехательной части за пояс заткнет...

И так далее... Слово за слово, гримаса за гримасой, сплетня за сплетней, и дело зашло чёрт знает куда...

Мы начали рассказывать всё, что за зиму накопилось в наших душах друг против друга. Мы перецеголяли старых девок.

Между тем пока мы, не выпавшиеся, полупьяные, каверзили друг против друга, солнце поднималось всё выше и выше... Туман исчез окончательно, и начался летний день... Было кругом тихо, славно...

Только мы одни нарушали тишину...

Подъехав к первому попавшемуся болотцу, мы вылезли из коляски и, сердитые, надутые, побрели в разные стороны. Водворять среди нас согласие взялся Козоедов. Он подбросил высоко вверх трехкопеечную монету, выстрелил в нее и попал. Мы все вместе подняли монету, сосчитали на ней число следов от дроби и кое-как разговорились.

Предположенский согнал коростеля и убил. Мы его поздравили и крикнули «ура». Согласие было бы окончательно водворено, если бы не доктор. Доктор, пока мы поздравляли

Предположенского с первым успехом, подошел к коляске, развязал кулек и принялся ублажать себя водочкой и закуской.

— Доктор! Что это вы там делаете? — крикнул Отлетаев.

— Ем и пью.

— Какое же вы имеете право распоряжаться?

— А что?

— Это для вас положено? Не понимаю этого, извините, свинства! Не мог подождать! Что это вы раскупили? Батюшки! Это моя настойка! Какое вы имеете право, милостивый государь?

— Не кричите, пожалуйста! Потихше!

— Ведь эту настойку я для себя взял! Слаб здоровьем, взял настойки, и... на поди!

Раскупили! Просили его! Заверните балык!

— Не заверну! Вам, неприличный и неделикатный человек, должно быть известно, что на охоте всё общее... Какой вы, извините, невежа!

Доктор выпил рюмку настойки и назло Отлетаеву отрезал себе крупнейший кусок балыка.

Предположенский подскочил к коляске и, чтобы насолить тестю, выпил из горлышка половину настойки... У Отлетаева навернулись слезы.

— Это вы назло? — зашептал он, — хорошо же! Хорошо! Вот вы как... Мерси боку...

[1]

Мировой, не знавший, в чем дело, подошел к коляске.

— А-а-а?... Закусываете? — спросил он. — А не рано ли? Впрочем, одну пропустить не мешает... За ваше здоровье!

Мировой налил себе рюмку настойки и выпил.

— Очень хорошо-с! Прекрасно-с! — крикнул уже Отлетаев.

— Что прекрасно? — спросил мировой.

— Ничего...

Отлетаев сел в коляску, бросил на траву кулек, иронически нам поклонился и ударил кучера Петра по спине.

— Поезжай! — крикнул он.

— Куда это вы? — удивились мы...

— Ежели я вам противен... необразован... Козоедов! Иди садись, голубчик! Где нам, мужикам, с господами учеными охотиться? Освободим их от своего присутствия! Иди, милый!

— Куда же вы? Что вы дурака корчите?

— Ежели я дурак, то зачем вам беспокоиться?... Пушай! Я и есть дурак... Прощайте-с... я домой...

— А мы же на чем поедем?

— На чем знаете... Коляска моя.

— Да ты, тестюшка, белены, что ли, объелся? — крикнул Предположенский.

Козоедов сел рядом с Отлетаевым и смиренно снял шляпу.

— Ты с ума сошел? — продолжал Предположенский. — Вылезай из коляски!

— Не вылезу. Прощай, зять! Ты человек образованный, гуманный, цивилизованный... А я... Что я?

— А ты — дурак! Господа, что же это такое? Кто его раздражил? Вы, доктор? Вы, чёрт вас возьми, вечно лезете со своим ученым носом не в свое дело!

— Я для вас не тесть... Прощу не орать, — обиделся доктор. — Коли будете орать, так и я уеду...

— И уезжайте! Велика потеря! Скажите пожалуйста!

Доктор пожал плечами, вздохнул и полез в коляску. Мировой махнул рукой и тоже полез в коляску.

— Мы вечно так, — вздохнул он. — Никогда у нас ничего не выходит...

— Погоняй! — крикнул Отлетаев.

Петр чмокнул губами, дернул вожжи, и коляска тронулась с места.

Я и Предположенский переглянулись.

— Стой! — крикнул я и побежал за коляской. — Стой!

— Стой! — заорал Предположенский. — Стой, скоты!

Коляска остановилась, и мы уселись.

— Я тебе всё это припомню! — сказал, сверкая глазами, Предположенский и погрозил тестю кулаком. — Всё! До смерти будешь помнить этот день!

До самого дома мы ехали молча. В душах наших радости высшего качества сменились самыми скверными чувствами. Мы готовы были слопать друг друга и не слопали только потому, что не

знали, с какого конца начать лопать... Когда мы подъехали к отлетаевскому дому, на террасе сидела мадам Отлетаева и пила кофе...

— Вы приехали? — удивилась она. — Что так рано?

Мы вылезли из коляски и молча направились к воротам.

— Куда же вы, господа? — закричала мадам Отлетаева. — А кофе пить? А обедать? Куда вы?

Мы повернулись к крыльцу и молча, внушительно погрозили нашими огромными кулаками.

Предположенский плюнул по направлению к крыльцу, выругался и отправился спать в конюшню.

Дня через два Отлетаев, Предположенский, Козоедов, мировой, земский врач и я сидели в доме Отлетаева и играли в стуколку. Мы играли в стуколку и по обыкновению грызли друг друга...

Дня через три мы поругались насмерть, а через пять пускали вместе фейерверк...

Мы ссоримся, сплетничаем, ненавидим, презираем друг друга, но разойтись мы не можем. Не удивляйтесь и не смейтесь, читатель! Поезжайте в Отлетаевку, поживите в ней зиму и лето, и вы узнаете, в чем дело...

Глушь — не столица... В Отлетаевке рак — рыба, Фома — человек и ссора — живое слово...

Примечания